

УДК 303.001.18

В.И. Казакова

**КРЕАТИВНОСТЬ КАК «ЖИЗНЕННЫЙ МИР»:
К ВОПРОСУ О КРИЗИСЕ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК**

Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева

Креативность рассматривается в данной статье как ключевая составляющая дискурса кризиса общественно-исторического развития, которая в то же время выявляет себя в качестве основания кризиса социальных наук. И общество, и знание о нём переживают в настоящее время период максимальной неопределённости, описываемой и для той, и для другой сфер в терминологии оппозиции творческой и инерционной составляющих. В процессе рассуждений автор обращается к модели кризиса наук Э. Гуссерля, который интерпретировал его как следствие утраты связи научного знания с «жизненным миром» – предзаданным пространством допредикативного чувственного опыта.

Проводится параллель между «креативностью» и «жизненным миром» как творческими составляющими, детерминирующими способность той или иной системы к изменению. В её игнорировании можно видеть не только основание критики современных преобразовательных проектов, но и сферу проблематизации социального развития и социального знания.

Ключевые слова: креативность, феноменология, инерция, творчество, инновация, жизненный мир, кризис науки.

Прошлое социальных наук подчас столь же непредсказуемо, как и история общества. В противоположность естествознанию, социальные науки никогда не были уделом немногих избранных, им не посчастливилось быть вассалами теологии или предметом магических исканий. Уподобившись в большинстве своём слишком длинному комментарию к тематизации индустриального переворота, они переживают уготованную им Максом Вебером «вечную молодость», непрерывно меняя контексты и тенденции осмысления вечно повторяющихся вопросов [1, 2]. В период, когда и общество, и знание о нём переживают состояние максимальной неопределённости, кризис социальных наук уже не рассматривается как нечто из ряда вон выходящее. Понятия «травмы», «риска», «неопределённости» столь прочно вошли в обиход современного обществознания, что понятие «кризиса» сам по себе утратило своё исходное значение. И по отношению к социальным наукам, и по отношению к самому предмету их исследований оно перестало означать нечто кратковременное и подлежащее немедленному преодолению. Состояния экономической неопределённости или теоретической избыточности, неустойчивость их тенденций и непредсказуемость их развития выродились в своеобразную «болезнь» роста, обусловленную трагической перестройкой ранее существовавших отношений» [3, с. 142]. Проблематичность развития общества раскрывает себя в различных вариантах «смерти» социального, проблематичность развития знания об обществе – в мультипарадигмальности, ставшей столь же привычной, как состояние перманентной «транзиции».

Общество стремительным образом упрощается на фоне столь же быстрого усложнения мысли о нём [4]. Как мир России, так и мир Запада, при всей разнонаправленности путей общественного развития, оказались как бы с разных сторон у одного и того же рубежа, означающего отсутствие жизнеспособных альтернатив дальнейшего развития [5]. И о той, и о другой форме социального можно говорить как о чём-то застывшем, законченном, искусственном. Характерное для современных российских реалий сведение почти всего населения страны к так называемому «базовому» слою, навевающее явные аналогии «вторичного смесительного упрощения» в концепции К.Н. Леонтьева [6], сопровождается всё более усложняющейся системой стратификационных образов и социальных портретов «элиты», «среднего класса», «интеллектуала», «маргинала». Каждый из них, сочетая в себе трудносоизмеримые составляющие класса, страты, сословия, вынужден формироваться в отсутствие

концептуального единства, сосуществуя одновременно на разных уровнях осмысления. Неизбежным следствием этого являются очевидные расхождения между эмпирическими данными и имеющимися теоретическими моделями, невозможность вписать реальные изменения в сколько-нибудь достоверную стратификационную пирамиду, замыкающие большинство социологических исследований на проблематике идентичности [4]. Упрощение западного мира – бездуховность «общества потребления», псевдореальность «матричного существования», которая сводит любую теорию либо к «взаимосвязи между данными», либо к «усилиям, прилагаемым в области понятий, в довольно широком и не очень определённом смысле» [7, с. 15].

«Кризис науки», как и «кризис общества», таким образом, продолжает обретать всё более широкий диапазон смыслов, вбирающий в себя различные аспекты «переходности» и «неопределённости». Принимаемое в качестве исходного для нижеследующих размышлений определение кризиса как такового отождествляет его с гуссерлевским «сомнением в подлинности» [8]. Последнее, в свою очередь, раскрывает себя через утрату «жизненной значимости, неспособности соотнести научные ценности в пространстве «истинных смыслов человеческого существования» [8]. Возврат к этой основе, обозначенной Э. Гуссерлем как «жизненный мир», принимается им как путь преодоления кризиса научного знания, рассматриваемый в терминологии «забвения — воспоминания». Этот концептуальный лейтмотив как никогда актуален в наши дни, когда едва ли не любой научный дискурс заключает в себе ярко выраженную «идеологию возврата». Путь к «другому началу», который возможно отыскать перед лицом «конца истории» и «смерти социального», обозначается в настоящее время как «креативность». Сама постановка вопроса её формирования и развития оказывается удивительно созвучной гуссерлевскому пониманию творчества как «радикальной и сущностной проблемы духовной жизни» [9, с. 665]. Соответственно сопоставление с проблематизацией «жизненного мира» открывает новые возможности как в раскрытии сути «транзиции» общества и кризиса социальных наук, так и в детерминации «креативности», являющейся в целом весьма дискуссионным понятием.

Интерпретация кризиса социальных наук в терминологии оппозиции инерционной и творческой составляющих является в настоящее время одной из наиболее признанных и распространённых [10–12]. Главная причина кризисного состояния видится в игнорировании творческой составляющей, детерминирующей способность социальной системы к изменению. Таким образом, в качестве основного рубежа, характеризующего современную диалектику неизменности и становления, выступает граница репродуктивного и преобразовательного, рутинного и творческого. Состояние «исхода», становящееся всё более очевидным, проявляется как дефицит подлинно человеческого содержания, «лишённость» человеческого присутствия. Главным ценностным ориентиром становятся возможность и свобода самореализации человека, расширение его жизненного пространства, высокая адаптация к быстро меняющимся условиям окружающего мира. Достижение этих целей чрезвычайно проблематично уже на уровне разработки адекватных стратегий, что наглядно демонстрируется безмерным семантическим диапазоном «креативности». В данном аспекте также очевидна параллель с «жизненным миром», традиционно считающимся одним из самых сложных понятий гуссерлевской феноменологии. «Забывтый смысловой фундамент» как бы находится «по ту сторону» каких-либо свойств, определений и размерностей, многочисленные попытки адаптировать его к социальному миру конкретизировали проблему, но её решение [13]. В равной мере «креативность», которую можно определить как конструктивную реакцию на вызов сложности окружающей действительности, заключает в себе столь же значительный, сколь и неопределённый потенциал коммуникативной действенности мысли, направленный на преодоление проблемных ситуаций. И «жизненный мир», и «креативность» являются, в сущности, «именами», даваемыми поиску смысла перед лицом непрерывно воспроизводящегося «сомнения в подлинности»; таким образом, в практическом отношении они представляют собой способ избежать скептицизма. Это замыкается, в свою очередь, на глубокое эк-

зистенциальное противоречие, связанное, согласно Э. Гуссерлю, с невозможностью отказаться от веры в возможность универсального знания и одновременно — с необходимостью размещать эту веру в рамках ограниченных сиюминутных культурных целей [8, с. 561]. Данное противоречие допускает единый взгляд на «креативность» и «жизненный мир» как на возможность поиска общего основания выхода из кризиса, несмотря на их концептуально-методологическую разнородность. Можно оговориться также, что подобное сопоставление ни в коем случае не может означать попытку ещё одной интерпретации «жизненного мира» применительно к социальной действительности. Непреодолимым препятствием к этому является, к примеру, неизбежная и труднопреодолимая поверхностность «креативности», её несопоставимость с феноменологическим уровнем анализа. Тем не менее, экзистенциально-онтологический уровень осмысления данной проблематики оставляет множество возможностей их совместного рассмотрения.

«Поворот к жизненному миру» иногда упрощённо трактуется как «поворот от рационального к иррациональному». Речь идёт об «иной трактовке рационализма и его форм, которая была направлена на осмысление истории и её цели, на постижение как её объективного смысла, так и фундаментальных оснований» [13]. Радикальное изменение представлений о научной рациональности можно рассматривать как главное основание «сомнения в подлинности» как симптома кризисного состояния, проявляющего сразу в нескольких гносеологических аспектах. Век социальных наук, предсказанный К. Леви-Стросом, обретает свой облик во времена критического рационализма, когда едва ли не любой критерий демаркации научного/ненаучного смещён в нравственную сферу, когда доминирующий экстернализм вытесняет причинные объяснения в область культурных феноменов, когда классика, не располагая методами решения насущных проблем, тем не менее, остаётся горизонтом, за пределы которого нельзя выйти [4]. Это особенно ярко сказывается на примере социологических и экономических исследований, для которых проблематика соотношения теоретического и эмпирического стоит особенно остро. Большинство дискурсивных ориентиров подразумевают здесь в качестве последнего основания решения определённых нравственных проблем, в соответствии с которыми выстраивается та или иная эмпирическая база, сомнительная достоверность которой также весьма очевидна. Вместе с тем склонность современного социологического исследования к чрезмерному акцентированию нравственных и эстетических аспектов, ярко выраженную тенденцию к изложению исследований в жанрах эссе и публицистики принято рассматривать как порок, подлежащий немедленному искоренению. Озабоченность не наблюдаемой, но воображаемой реальностью признаётся также в качестве главной проблемы развития представителями экономической науки [14]. Это смещение акцентов исследований, свойственное на рубеже веков не только отечественной, но и западной науке, заслуживает, на наш взгляд, более глубокого изучения, нежели как исключительно концептуальной проблемы. Оно оказывается, в конечном итоге, связано с постиндустриальными трансформациями, в рамках которых материальные факторы становятся вторичными, уступая место приоритетам информационной реальности. С точки зрения развития социального знания здесь наблюдается стремление транслировать парадигмальные установки прежних теорий на новую бесконечно меняющуюся действительность. Неоклассицизм в экономике предлагает новый концептуальный аппарат, но не новый взгляд, новые идеи, но не новое мировоззрение. Центральная проблема социологии — стратификация общества — до сих пор анализируется в контексте материальных приоритетов, в то время как функционирует в значительной мере как ментальная структура. Этот диссонанс обнаруживает дефицит осознания именно той смысловой сети социальных действий, которая в социальной феноменологии обозначалась как «жизненный мир». Обращение к нему предполагает формирование новых качеств научной коммуникации, означающих способность трансляции знания, методологии «перевода» с одной культуры на другую.

Соответственно мысль об обществе всё более утверждается в своём стремлении отказаться от теоретических исканий «big pictures» в пользу социальной жизни, «методологии

субъективного реализма» [15]. Эта трансформация в представлениях о научной рациональности не в последнюю очередь связана с так называемым «историческим поворотом» социальных наук, характеризующим достигшую кризисного состояния неопределённость в отношении прошлого. Для современной мысли об обществе оно становится не столько горизонтом прояснения смысла, сколько обоснованием его отсутствия [16]. Сослагательное наклонение истории, ещё недавно неприемлемое в рамках научного знания, обретает всё большее наполнение, становясь залогом развития «нелинейного гуманистического воображения» [17]. Исторический поворот социальных наук обостряет вопрос «оправдания» истории. Современная метаэкономика, в каком бы измерении её не рассматривать, в силу этого поворота также начинает сводиться к решению дилеммы принятия либо отрицания смысла социально-исторического процесса. Здесь снова можно говорить как об обращении к коренящимся в субъективности установкам активной жизни, так и о необходимости преодоления ригидности мышления, формирования коммуникативной интерактивности. «Жизненный мир» может рассматриваться как «исторический мир», как осадочные напластования исторических дел, совершаемых личностью, и интерсубъективных образований [13]. Согласно Э. Гуссерлю, «обстоятельное и критическое осмысление прошлого необходимо для того, чтобы до каких-то решений обрести радикальное самосознание» [8, с. 562]. На феноменологическом уровне речь идёт о повороте от смысла как формы к смыслу как цели: «несостоявшаяся» история — экономическая, политическая, социальная — означает признание «жизни не в лучшем из миров» [18]. «Всё могло быть иначе» — установка ментально необратимая и в социальном пространстве, и в сфере мысли, она означает не смену порядка детерминации, а отказ от таковой вообще; на смену поиску сущности приходит постулирование того, что окружающий мир приобрёл хорошо знакомый нам облик в результате случайных обстоятельств [9,18]. «Креативность» в данном ракурсе осмысления соответствует «широкому пониманию конституированию мира и его горизонтов в многообразии его объективных сфер» [13].

Российская интерпретация кризиса науки рассматривается иногда как «слом прежних отношений между учёными, обществом и властью» [3]. Наука, привыкшая быть идеологическим оправданием политики, испытывает некое подобие «посттравматического синдрома», осталась без прежней организационной и материальной поддержки государства, которое в течение многих десятилетий было в нашей стране единственным заказчиком научных разработок. Социальные науки, возможно, в большей мере, нежели другие области знаний, остро переживают отсутствие симбиоза с властью, которое в целом порождает довольно противоречивую картину. С одной стороны, обществоведческая мысль, избавившись от оков тоталитарных ограничений, впервые за долгое время становится подлинным инструментом анализа. Введение в научный оборот западных социологических, экономических, историографических концепций было не простым расширением познавательных горизонтов, оно разомкнуло границы идеологических иллюзий и догматических «несвобод». С другой стороны, информационное «оглушение» девяностых скорее дезориентировало направления исследований, нежели способствовало их совершенствованию. Созданные в иной культурно-исторической реальности, западные концепции подчас оказывались «прокрустовым ложем» для анализа российской действительности, и столь долгожданная трансляция общемирового универсального опыта только осложнила ригидность наших представлений. Интересно отметить, что кризис представлений о научной рациональности, о котором шла речь выше, в равной мере может быть отнесён и к сфере трансформаций взаимоотношений науки и власти. Резкое расширение концептуальных возможностей отечественной социальной науки, связанное с попытками операционализации западных теорий, не было результатом эволюционного развития научных дискурсов, оно было фактически «разрешено» властными структурами, не нуждавшимися более в идеологическом ограничении научной деятельности. Неудивительно, что путь к разрешению данной кризисной составляющей также рассматривается через

необходимость принятия соответствующих решений «сверху» [3, 19, 20]. Возврат к «жизненному миру» видится здесь как восстановление ряда «конфигураций отношений науки и власти в экстремальных условиях» [3, с. 148].

Кризис социального знания может быть, таким образом, представлен различными дискурсивными тенденциями, каждая из которых в качестве последнего основания заключает в себе обращение к «радикальной конкретности» человеческой жизни. Рассмотренные в настоящей статье тематизации кризиса научной рациональности, кризиса отношения к прошлому, кризиса «социальной судьбы» науки и её действительности — так или иначе, апеллируют к необходимости формирования синтетического и междисциплинарного «креативного» мышления, предполагающего интерактивность и коммуникативную природу. Пути преодоления кризисного состояния означают не столько восхождение на новую ступень, сколько изменение самой природы социального развития, открытие новых способов конституирования «жизненного мира».

Библиографический список

1. Вебер, М. Избранные произведения / М. Вебер. — М.: Прогресс, 1990. — 808 с.
2. Немецкая социология / под ред. Р.П. Шпаковой. — СПб.: Наука, 2003. — 562 с.
3. Колчинский, Э.И. Наука и кризисы в XX веке: некоторые результаты сравнительного анализа // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2008. Т. 6. №3. С. 141-149.
4. Казакова, В.И. Простое и сложное в социальной транзисии: системный подход versus common sense // Труды НГТУ им. Р.Е. Алексеева. Серия «Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии». 2010. №3 (84). С. 78-87.
5. Казакова, В.И. Решение в обществе знания: опыт феноменологического анализа // Труды НГТУ им. Р.Е. Алексеева. Серия «Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии». 2010. №3 (84). С. 102-113.
6. Леонтьев, К.Н. Византизм и славянство / К.Н. Леонтьев — М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2010. — 280 с.
7. Луман, Н. Социальные системы. Очерк общей теории / Н. Луман. — СПб.: Наука, 2007. — 64 с.
8. Гуссерль, Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология: введение в феноменологическую философию / Э. Гуссерль. Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философии. Философия как строгая наука. — Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2000. — 752 с.
9. Гуссерль, Э. Кризис европейского человечества и философия / Э. Гуссерль. Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философии. Философия как строгая наука. — Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2000. — 752 с.
10. Петров, М.К. Историко-философские исследования / М.К. Петров. — М.: РОССПЭН, 1996. — 512 с.
11. Петров, М.К. Самосознание и научное творчество / М.К. Петров. — Ростов-н/Д.: Изд-во Ростовского университета, 1992. — 272 с.
12. Константинов, М.С. Вклад М.К. Петрова в новую институциональную теорию // Новые направления политической науки: Гендерная политология. Институциональная политология. Политическая экономия. Социальная политика. — М.: РАПН, РОССПЭН, 2007. С. 26-40.
13. Огурцов, А.П. Жизненный мир и кризис науки [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.intelros.ru/readroom/vox/vox-9-2010/13101-zhiznenny-mir-i-krizis-nauki.html> (Дата обращения 01.07.2013).
14. Блауг, М. Экономическая мысль в ретроспективе / М. Блауг. — М.: Дело ЛТД, 1994. — 688 с.
15. Экзистенциальный поворот в современной социологии [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://hpsy.ru/public/x5007.htm> (Дата обращения 01.07.2013).
16. Казакова, В.И. Концептуализация «path dependence» в современной социальной науке // Вестник НГТУ им. Р.Е. Алексеева. Серия «Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии». 2012. №3. С. 6–16.

17. **Кравченко, С.А.** Сложный социум: востребованность поворотов в социологии // Социологические исследования. 2012. №5. С. 19–28.
18. **Латов, Ю.В.** Теория зависимости от предшествующего развития в контексте институциональной экономической истории // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2005. Т. 3. № 3. С. 36–43.
19. **Мухачев, В.В.** Размышления над дискуссией о «кризисе» экономической наук // TERRA ECONOMICUS. 2010. Т. 8. № 4. С. 68–81.
20. Креативность и социальные науки / под ред. Э.Р. Григорьян. – М.: Институт социальных наук, 2011. – 114 с.

*Дата поступления
в редакцию 15.07.2013*

V.I. Kazakova

**CREATIVENESS AS «LEBENSWELT»:
ON THE ISSUE OF SOCIAL SCIENCE CRISIS**

Nizhny Novgorod state technical university n.a. R.E. Alexeev

Purpose: Creativeness is described in terms of social phenomenology. It is compared with «Lebenswelt» as the way of dissolving social science crisis.

Design/methodology/approach: Social phenomenology theoretical framework is proposed to be the methodological base of the research.

Findings: Creativeness is discovered as the main constitutive element of social crisis discourses. Modern time means the period of maximal indefinite character of development. So the main topic under consideration is the boundary of creativity and inertia.

Research limitations/implications: The results of the research provides a starting-point for new way of post-industrial society study.

Originality/value: «Lebenswelt» and «creativeness» are discovered in terms of qualities which determine the system transformation abilities.

Key words: creativity, phenomenology, inertia, creativity, innovation, vital world, science crisis.